

СЛОВО АВТОРА. О ЖЕНЩИНЕ — МАТЕРИ, ДОЧЕРИ, ЖЕНЕ...

«Женщина — это и неразгаданная тайна, и прекрасная мечта. Именно она способна явить собой эталон верности и жертвенности. Недаром немецкий поэт и драматург Готтольд Эфраим Лессинг, восхищаясь умом, душой и красотой женщины, подчеркнул: «Женщина есть образцовое произведение Вселенной». И это действительно так».

Наум Гальперович

«Женщина — это и любовь, и цветы, и легкий весенний ветер. Все самое прекрасное — это женщина!»

Татьяна Лейко

«Женщина, которую можно сравнить с нераспустившимся бутонем цветка, волнуется и восхищает особенно».

Анатолий Зэк

«Сколько противоречивых высказываний можно прочесть о женщине! Из века в век стремятся разгадать ее тайну. Женщина прекрасна, будь то мать, дочь, любимая... Как прекрасна сама Богородица — наша покровительница и заступница. Потому что она — Любовь!»

Наталья Советная

«Сила женщины — не в нежности. Сила женщины — в крепости духа».

Полина Корнева

«Почва, на которой все взрастает, расцветает и процветает, напоминает женщину. В ней — начало всего живого. Женщина — самое совершенное создание Господа».

Андрей Скоринкин

«Женщина — это сама Жизнь! Продолжательница рода человеческого на нашей планете. Она — любящая мать, берегиня семейного очага, созидательница и муза-вдохновительница. Ей посвящаются романы, стихи и прекрасная музыка. Она — на лучших полотнах величайших художников.

Любите и берегите Женщину!»

Лидия Романова-Папечкене

«От колыбели до конца времен Женщина была, есть и будет не просто человеком, а двуединым началом земного и божественного — самой Жизнью. Они — наши матери, возлюбленные, вдохновительницы, хранительницы и созидательницы — подарили миру основу основ, на которой формируется высокая культура и повседневность. Секрета нет: та основа не из камня, а из любви, веры, мудрости, понимания и терпения».

Андрей Дорожкин

Елена Бархаткова «Сирень», 2010 год

Нёман

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

05 // 2026
май

Главный редактор
Наталья Николаевна КОСТЮЧЕНКО

*Редакционная коллегия:
Алесь Бадак, Виктор Васильев,
Мария Воинова-Стреха,
Вадим Гигин, Александр Коваленя,
Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков,
Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип*

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия и проза

4

НАУМ ГАЛЬПЕРОВИЧ.

Мой Иерусалим.

Отрывок из романа.

Перевод с белорусского

Олега Ждана-Пушкина

20

ТАТЬЯНА ЛЕЙКО.

Просто живи... *Стихи*

24

АНАТОЛЬ ЗЭКОВ.

ЗЭКавычки.

Небольшие сюжеты из жизни поэта. Перевод

с белорусского автора

35

НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ.

Мяты цвет...

Стихи

40

ПОЛИНА КОРНЕВА.

Полет на Марс. *Рассказ.*

Перевод с белорусского автора

49

АНДРЕЙ СКОРИНКИН.

Приутихли весенние

грозы... *Стихи*

55

ЛИДИЯ РОМАНОВА-ПАПЕЧКЕНЕ.

Музыка. *Рассказ*

58

АНДРЕЙ ДОРОЖКИН.

Обещай всегда возвращаться. *Рассказ*

Одно стихотворение

67

**МИКОЛА ЧЕРНЯВСКИЙ,
ЕЛИЗАВЕТА ПОЛЕЕС,
МАРИНА ПОМОЗ-ЛАЙКОВА**

На страже мира —

Память, Память, Память.

Стихи

Наследие

71

ФЕДОР КОНЕВ.

Опасный жених.

Роман

Культурный мир

102

ЦВЕТЫ ОТЕЧЕСТВА.

Интервью с художником

Игорем Бархатковым.

Беседовала Казимира

Шпаковская

Время. Жизнь.

Литература

110

ВАЛЕРИЙ ГРИШКОВЕЦ.

Белорусская звезда над

Москвой.

К 80-летию Петра Кошеля

120

КАЗИМИР КАМЕЙША.

Дорогой новой длился день.

Литературный портрет

Алексея Пысина

Напоследок

ОТГОЛОСКИ

134

АННА ЛЕО.

Ген памяти

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

139

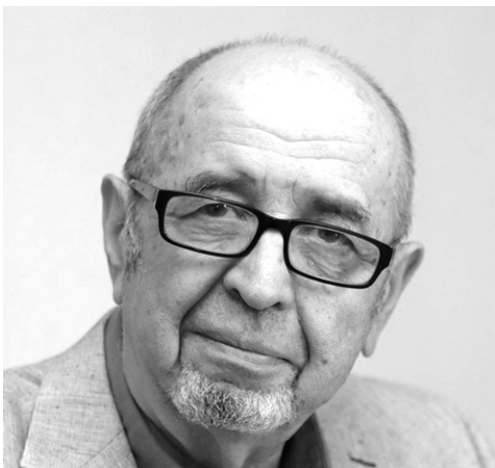
АЛЕСЬ КАРЛЮКЕВИЧ.

Вьетнамский гость

142

Авторы номера

МАЙ 2026

Наум Гальперович

МОЙ ИЕРУСАЛИМ

Отрывок из романа

ПРОЗА

Надо звать Хаима, — сказал отец. — Ты, Яша, к доктору, а я — к своим. Без Хаима тут не обойтись.

Дядя Яша, приехавший из Ленинграда, утер рукой заплаканное лицо. Я никогда не видел, как плачут мужчины, а тут дядя Яша, такой красивый, такой элегантный, рыдал как девушка. А еще полковник, судья...

Бабушка умирала долго, стонала, ее постоянно тошнило, я не хотел это видеть, убежал на улицу.

Дядя Яша, ее сын и мамин брат, жил у нас почти неделю. Доктор Бовтуто, которого отец привел к больной, сказал, что остались считанные дни, даже часы.

Я боялся смотреть, как бабушка умирает, но это произошло, как раз когда я пришел из школы.

Она будто бы успокоилась, лежала неподвижно и вдруг вытянулась, крикнула что-то по-еврейски и затихла.

По-еврейски у нас в доме не говорили, лишь несколько раз я слышал, как бабушка что-то выговаривала маме, но на мой вопрос ответила:

— Тебе не надо это знать.

Моя бабушка была совсем как белорусская деревенская женщина, она меня очень любила и говорила со мной только по-белорусски, почти как артисты по радио.

Дядя Яша, который приезжал к нам часто, говорил о каких-то делах врачей и наказывал:

— Не учите парня идишу, пускай растет как все. Спокойней будет.

Я и рос как все, потому что в нашем Питомнике евреев не было, да и в школе я был, наверно, один. Это в городе, где жила бабушка, их было много, а моя двоюродная сестра Лорка лопотала на незнакомом мне языке так, что было завидно.

Анатолий Зэков

ЗЭКавычки

Небольшие сюжеты из жизни поэта

Автобиографическое

Свой день рождения в январе я праздную дважды: 18-го — когда родила мама, и 20-го — когда в сельсовете записал отец. Последняя дата твердо прописалась и в паспорте. Таким образом, 20 января мне исполнилось ровно семьдесят. Да и свою громкую фамилию Зэков (это точно не псевдоним) получил лишь на втором году жизни, а ходить и разговаривать учился под материнской — Зарецкий. Видимо, родители еще тогда, переписывая на Зэкова, готовили меня в писатели, так как в белорусской литературе уже был один Зарецкий — Михась. Пожалуй, и Юлии да Ксении Зарецким не хотели мешать, хотя тогда они, правда, еще не родились.

Библиотечные перерывы

Здание, где мы учились в начальных классах (тогда еще не было нынешней трехэтажной, буквой Т, школы), стояло на взгорке, недалеко от сельского клуба, в котором размещалась и библиотека. Вот мы и бегали туда на первой перемене, чтобы взять книгу с какой-нибудь одной сказкой. Прочитаем ее на второй перемене, а то и, положив на колени, под партой незаметно от учительницы на уроке (классы же были большие, человек под тридцать учащихся — где ты за всеми уследишь?), — уже на третьей перемене летели сдавать эту книгу, чтобы взять новую.

— Прочитали? — сомневалась библиотекаряша.

— Ага, — кивали мы дружно головами.

— Ну, давайте рассказывайте.

И мы хором, наперебой выкладывали содержание прочитанного.

Наталья Советная

МЯТЫ ЦВЕТ...

Стихи

А я все жду, что ты придешь...
Слова готовы с уст сорваться
О том, что снова дождь и дождь
И ветер взбесновался адский.

Что наши розы все — в цвету,
Да вот не уродились груши...
А я — закончила главу
Для новой книги. Будешь слушать?

...Пыхтит лишь чайник на плите,
И лишь одна пустая чашка...
Да слово «мама» на листе.
Всего-то — белая бумажка...

Вспенилась белая-белая таволга —
Всю-то околицу заполонила,
Будто молочно-пьянящим паводком,
Рощицу редкую цветом накрыла.

И разлилась по лугам и обочинам,
И взволновала своим ароматом...
Что же мне плакать безудержно хочется,
Вкус на губах ощутив горьковатый?

Мне бы назвать ее травкой «медовой» —
Так моя бабушка именovala.
Нежной, пушистой, белоголовой —
Сыщется ласковых слов ей не мало.

Полина Корнева

ПОЛЕТ НА МАРС

Рассказ

Мне приснилось небо Лондона...

Земфира

ПРОЗА

Я выходила из морга в самом мертвом настроении. Это была середина октября. Огромные тучи слились над головой в единое полотно, предвещая серьезную грозу. Изредка сквозь них прорезывались солнечные кинжалы, но исчезали они так же внезапно, как и появлялись. В последнее время я чувствовала себя очень маленькой, но впечатление того утра схватило меня за горло.

Весь семестр я ждала, когда же нашу группу поведут на вскрытие трупа. Безобразие: все уже ходили, а мы нет. Почему-то наша преподавательница оттягивала этот момент, будто специально фокусируясь на одной теории. На мою просьбу посетить морг отдельно она никак не отреагировала, сославшись на большой объем работы.

И вот день X настал. На одном из занятий преподавательница пришла в более длинном халате, чем обычно, и жестом указала на выход. Мы петляли по долгим извилистым коридорам, отделанным сине-белой плиткой. Этот переход показался мне неестественно долгим, ведь здание снаружи не выглядело настолько большим. В спину дул сквозной поток воздуха, создаваемый многочисленными вытяжками, и полы халата преподавательницы развевались, словно в красивом интро для медицинского сериала. Она, к слову, могла сойти за того самого сумасшедшего гения, так как очень много знала и очень много смеялась — полжизни проработала, вскрывая трупы детей.

Окружающие стены в конце концов поменяли вид, стали полностью белыми.

Андрей Скоринкин

ПРИУТИХЛИ ВЕСЕННИЕ ГРОЗЫ...

Стихи

Венок памяти

Gott mit uns¹

За современным картинным парадом
Вижу салют над Москвой в сорок пятом!..
Вижу поверженный в битве рейхстаг
И водруженный под куполом флаг!..

Кровью и потом добыта Победа!
Вспомним великие подвиги деда!
Бабушку вспомним, что ратным трудом
Жизни спасала под красным крестом!
Вспомним вождей, рядовых, офицеров,
Молодогвардейцев и пионеров!
Вспомним подпольщиков и партизан!
Вспомним кормильцев народа — крестьян!
Вспомним бессонных работников тыла,
Кем создавалась могучая сила
Флота воздушного, флота морского,
Армии красной и войска святого!..

Пусть плывет по океанам
Нашей памяти венок,
Чтоб напомнить басурманам —
С кем на поле брани Бог!..

¹ С нами Бог (лат.).

Лидия Романова- Папечкене

МУЗЫКА

Рассказ

Но у нас одна,
Да, да, одна
Святая к музыке
Любовь!

И. Резник «Маэстро»

МУЗЫКА!.. Какой поистине чудесный дар дала природа человеку — возможность слышать и создавать музыку!

МУЗЫКА!.. Она завораживает и опьяняет, она радуется и вызывает слезы, она вселяет надежду и воодушевляет. И в дни нашей радости, и в дни тревоги и печали музыка всегда с нами.

Она встречается нас в первые дни нашего появления на Земле тихой колыбельной матери, когда, впервые взяв на руки и прижав к своей груди, она нежно убаюкивает дитя.

Музыка сопровождает нас на всем нашем таком длинном и таком быстротечном жизненном пути.

МУЗЫКА!.. Это она соединила тогда Его и Ее.

Он, немец, музыкант и композитор Эдвин Гейст, и она, Лидия, совсем юная студентка берлинской консерватории, жительница маленького литовского городка Пренай.

Их познакомила и околдовала Музыка... Прекрасным и торжественным гимном любви звучала она в их душах.

Для него самой дивной музыкой были ее чистый голос, тихий и ласковый шепот, такой звонкий, с россыпью, заразительный смех! Как светились и искрились радостью ее голубые, как весеннее небо, глаза!

А он!.. Какие необыкновенные звуки извлекали из музыкальных инструментов его сильные, чуткие пальцы! Как увлеченно он мог часами говорить с ней о музыке, когда, взявшись за руки, они бродили по берлинским улицам и бульварам!

Музыка была вокруг них, музыка была в них самих, музыка была их жизнью.

НА СТРАЖЕ МИРА — ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ, ПАМЯТЬ

Микола Чернявский

Все чаще их
Меж нас война находит —
Запомнила в лицо
Еще мальцами...
Помалу
Сыновья полков уходят
За братьями своими
И отцами.

За теми,
С кем в свинцовой круговерти
Одной стране
На верность присягали,
Одной для всех
В глаза глядели смерти,
Одной звездой
Надежды согревали.

За теми,
С кем сквозь огненные мили
С одной шагали жаждой —
Мести, боя,
Один сухарь
На целый взвод делили,
Просоленный
И потом, и золою.

С кем по пути
На Запад размотали
Клубок дорог,
Как аммонал, гремучий,

С кем из одной баклаги
Утоляли
И боль потерь,
И мести пламень жгучий.

С кем грусть и радость
Поровну
Делили,
Победы и утраты
Чередую.
И дружбу среди всех
Одну ценили,
Ту самую,
Солдатскую,
Святую...

Все чаще их
Меж нас война находит —
Запомнила в лицо
Еще мальцами...
Помалу
Сыновья полков уходят
За братьями своими
И отцами

В песчаный дол,
В траву,
Подзол,
Суглинки,
Под алые цветы и серый гравий,
Чтоб нас потом
Из вечности окликнуть
Со старых
Пожелтевших фотографий.

Глядят на нас со снимков полустертых
Герои,
Сыновья полков,
Подростки
В солдатских запыленных гимнастерках,
Пилотках
И шинелях не по росту.

Им, закаленным
Порохом и сталью,
С боями
Прошагавшим полпланеты,
Гвардейские полки
Отцами стали,
А матью —
Одна на всех —
Победа.

Перевод с белорусского Андрея Тявловского

Елизавета Полеес

*Памяти погибших
в Зембинском гетто
18 августа 1941 г.*

Они жили в Зембине — бабушки, деды,
И тети, и дяди, и братья.
Но я никогда не глядела вослед им,
Не знала их ласк и объятий.

И даже увидеть я их не успела,
Победной эпохи подкидыш.
И бабушка Рива мне песен не пела
На добром и ласковом идише.

С собой не брала меня бабушка Лея,
Лесные любившая стежки.
И дед предо мной не распахивал веер
Сказаний о святом и грешном.

Он, часто в постели куривший махорку,
О будущем думал ночами,
Не зная об участи жесткой и горькой,
О той, что ждала за плечами.

Июнь сорок первого грянул внезапно.
Не думали? Знать не хотели?
И в августе тишь разорвалась от залпа,
И падали — тело на тело.

Кто скажет, зачем и за что умирали
Они тем неласковым летом?
Сестренка погибшая, девочка Рая,
Ты тоже не знаешь ответа?..

Где все они? Кем после выстрелов стали?
Землею ли? Влагой небесной?..
Кружит в облаках лебединая стая...
А может, их души воскресли?..

Марина Помоз-Лайкова

Память

Монументу Победы в Минске

Залп каменный —
И каменное пламя
Ворвется в гладь
Рассветной тишины...
Застывший выстрел —
В память, память, память
О людях, что прошли
Стезей войны.

Бесстрашны взоры.
И победы знамя
Свободно реет
В каменных руках.
Живет вовеки
Память, Память, Память.
Живут герои
В думах и веках.

Оберегают нас,
Хранимы нами —
Надежны узы эти
И верны.
На страже мира —
Память, Память, Память.
На страже мира —
Обелиск войны.

Федор Конев

ОПАСНЫЙ ЖЕНИХ

Роман. Продолжение¹

На третий день пути приехали в областной город, в котором жили родственники Анны. Однако Прокопий не знал того, что еще до его приезда с Анкой родичи решили устроить судьбу любимой внучки. В Тамбове в медицинском институте работал брат Ираиды Семеновны, родной дядя Анны. Звали Владимиром. Он как раз гостил у родителей и собирался назад домой на своей машине. Узнав о скором приезде Анны, даже задержался немного. Он-то и предложил план, в котором, конечно же, не было места Прокопию. Поэтому очень озадачило всех, что с ней появился странный тип, которого девушка представила очень коротко:

— Мой хвост. Зовут Прокопий.

Конечно же, бабка с дедом и дядька прямо-таки сгорали от любопытства, что это за хвост, и несколько успокоились, когда Анна клятвенно уверила, что Прокопий не приходится мужем. Решили так — дядя Володя на своей машине отвезет родителей на дачу, а сам с Анной прямиком направится в Тамбов. Чтобы не возникло никаких сложностей, Прокопия отправят в магазин. Мол, только не спеши, дай время женщинам закончить уборку в квартире.

Так и поступили. Когда Прокопий вернулся из магазина, то увидел возле двери в квартиру свою торбу. Он сразу догадался, в чем дело, но долго звонил в дверь. Конечно, никто не открыл. Прокопий вышел во двор, сел на бетонные плиты, решив ждать, сколько бы времени на это не понадобилось. Все равно Анка появится рано или поздно, никуда не денется, олень быстро бежит, да скоро устанет, медведь тихо идет, но оленя догонит.

НАСЛЕДНИК

¹ Начало в № 4 за 2026 год.

КУЛЬТУРНЫЙ МИР

ЦВЕТЫ ОТЕЧЕСТВА

ИНТЕРВЬЮ С ХУДОЖНИКОМ
ИГОРЕМ БАРХАТКОВЫМ

Творчество Игоря и Елены Бархатковых представляет собой уникальный художественный тандем, ставший олицетворением современной белорусской реалистической школы живописи и преемственности традиций.

Елена и Игорь Бархатковы

Игорь Бархатков, признанный мастер лирического пейзажа, в своих полотнах виртуозно передает тончайшие состояния родной природы и спокойную поэзию деревенской жизни, продолжая дело своего отца — классика Антона Бархаткова. «Кисть Игоря не безумна, не аффектирована, не экспрессионистична, не гонится за театральными или иными эффектами... Она полна тихого достоинства, основанного на осознанном владении всем доступным арсеналом и диапазоном досконально изученных собственных возможностей, а также на постоянном осмыслении своих пределов — что нелегко в век тотальной эклектики, визуальной «трясани» и соблазняющих к легким маркетинговым эффектам изобразительных технологий», — отметила искусствовед, арт-критик Татьяна Бембель.

Елена Бархаткова наполняет свои холсты солнечными цветочными композициями и природными натюрмортами, в которых академическая точность сочетается с особой декоративностью и теплотой. Ее работы обладают особым гипнозом. По мнению Татьяны Бембель, главным в них является создаваемый широкоугольным объективом авторской кисти эффект присутствия. Мы чувствуем себя внутри пейзажа, мы как будто обошли все его окрестности, просвечивающиеся сквозь букет котиков или черемухи, так соблазнительно чарующий взгляд...

Вместе работы этих дополняющих друг друга, как инь и ян, художников создают целостный и одухотворенный образ Беларуси, воспевая гармонию бытия, красоту простых вещей и неразрывную связь человека с родной землей.

Мы встретились с Игорем Бархатовым в одной из сто-

личных художественных галерей поговорить об искусстве. Он поделился своими мыслями о миссии художника в нашем непростом мире, провел заочную экскурсию по их семейному райскому уголку, где на лоне природы рождаются уникальные живописные полотна, и очень много с любовью, нежностью и сокровенной душевностью рассказывал о Елене и ее творчестве. Для читателей журнала — самое интересное из разговора.

О творческом союзе:

— Союз двух творческих людей — это очень непросто. Как было у моих родителей? Мать моя, Софья Кузминична Бархаткова, училась у ведущих педагогов Москвы и закончила отделение оперетты ГИТИСа. Ее распределили в Омский оперный театр,

но они с отцом уже решили связать друг с другом свою жизнь, и она переехала сюда, в Минск. Несмотря на выдающийся талант и образование, мама решила посвятить себя семье. Вместо блистательной карьеры оперной певицы ей достался удел ведущего педагога одной из детских музыкальных школ. Дома она следила и за хозяйством, и за воспитанием (у меня есть еще старшие брат и сестра), а папа всегда был в своем творчестве, на бытовые вопросы не отвлекался, нам внимания практически не уделял...

Как семья приняла Лену? Непросто. Для меня была установка: стань сначала художником...

О знакомстве с Еленой:

— Встретились мы, будучи студентами. Лена училась в Минском художественном училище

имени А. К. Глебова (сегодня — Минский художественный колледж имени Глебова), а я — в Белорусском государственном театральном-художественном институте (сегодня — Белорусская государственная академия искусств). У нас был общий педагог, гениальный Олег Луцевич. Однажды на вечерние занятия по рисунку он привел четверых своих лучших учениц, одной из них и была Лена, самая талантливая на курсе...

Что мне в ней понравилось? Бескорыстие! Она готова была отдать все! Наблюдал, как кто-то из ее подруг пожаловался: «Ой, у меня нет пальто...» Лена снимает и протягивает ей свое... Я похвалил ее папку для рисования, и она тут же подарила ее мне... Купила книгу о Рембрандте, а ее сокурсница говорит: «Как я о такой мечтала!» Лена вручает книгу ей: «На, забирай...» А ведь мне еще мама говорила: «Надо отдавать — и станешь богаче!» Лена и пишет не ради денег — она пишет свой мир и себя...

Каков он, мир Елены?

— Давно еще мы решили купить в деревне дом с видом на церковь, переехали туда из столицы, там живем. Посадили сад. За тридцать лет он уже вырос, а церковь загородил лес... Завели живность: декоративных кур, кошек, собак, лошадей — арабских скакунов. Справляемся с хозяйством сами, помощников у нас нет, ведь Лена по натуре — одиночка, посторонние люди в доме ей мешают, отвлекают от творчества.

Лена может починить любую технику, ездит на машине и на мотоцикле. У нее математический склад ума, она очень ответственная, обожает животных. По минутам их кормит — все у нее

по расписанию. Любит рисовать на рассвете, когда появляются первые лучи. Выпускает на луг лошадей, сидит и пишет... Ухаживает за питомцами, после обеда пишет опять. Живем мы скромно. По магазинам Лена не ходила лет двадцать, до сих пор носит вещи, купленные много лет назад...

Ей трудно общаться с людьми. Последние двадцать лет я открываю ее выставки, она же на публике не появляется — ей тяжело это дается. Лена выплескивает себя в картинах. Картины ее наполнены самыми светлыми чувствами. Все говорят: «Наверное, она оптимистка...» Видели бы они, какой она закрытый, сложный, ранимый, но в то же время жесткий человек: ни у кого ничего не просит. Более уступчивый — я, все всегда выравниваю.

О творческой манере Елены:

— Кто повлиял на Елену как художника, кроме Луцевича? Наверное, я. В свое время Луцевич смог буквально на пальцах за два часа объяснить мне то, что не смогли дать другие преподаватели: не надо становиться художником, чтобы продавать картиночки — надо быть духовно наполненным, иметь стремление к суперсовершенству... У Елены, как и у меня, это есть...

Она впервые в Беларуси соединила два жанра — натюрморт и пейзаж. Цветы в вазе у нее обязательно на фоне красивой природы, а не стены. Она наследовала Луцевичевское пространственное видение: он строил свое обучение на том, что каждый мазок должен быть в пространстве, а если издали картина что-то рвет, то это уже не пространство. Картины Елены живы за счет пространственной манеры.

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

БЕЛОРУССКАЯ ЗВЕЗДА НАД МОСКВОЙ

ВАЛЕРИЙ
ГРИШКОВЕЦ

К 80-летию Петра Кошеля

В апреле 2026 года известный поэт, публицист и переводчик Петр Кошель отметил 80-летие.

Родился в Слуцке. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор более 20 книг, в том числе научно-популярных, документально-исторических, переводных, вышедших в издательствах «Советский писатель», «Молодая гвардия» и др. Среди книг: двухтомники «История сыска в России», «История наказаний в России», серия «История Санкт-Петербурга». Петр Кошель автор многократно переиздававшейся «Большой школьной энциклопедии» в 2 томах, «Энциклопедии искусства».

Я же хочу рассказать о Кошеле-поэте, влиянии его творчества на молодых поэтов-современников, в частности на меня.

Имя Петра Кошеля стало широко известно в середине 1970-х годов, после публикации стихотворения «Дверь открывается, входит отец...». В те годы достаточно было напечатать в союзном журнале или, к примеру, в «Литературной газете» одно-единственное стихотворение, чтобы о тебе заговорили, признали, приняли читатели и мастера поэтического цеха. Разумеется, при условии, что это стихотворение будет не похожим на все, что было написано до этого, глубоким по содержанию и оригинальным по форме. Со стихотворением «Дверь открывается, входит отец...» так и случилось.

Петр Кошель был первым, кто в русскую ткань стиха вплел белорусские слова, которые читателем, не знакомым с мовай, были приняты безо всякого противления, легко и просто. Они прозвучали органично, ярко и убедительно, и вместе с тем драматично, даже трагично. Добавили стихотворению смыслов и глубины. Хотя, на первый взгляд, звучит оно просто:

Дверь открывается, входит отец:
— Дзе маці? —
Дверь открывается, входит мать:
— Дзе бацька?

Вот так они ищут друг друга, ищут,
а вьюга свищет вокруг и свищет,
и стены хаты дрожат от ветра...
Отец мой Женя и мама Вера.

Дверь открывается, входит отец:
— Дзе маці? —
Дверь открывается, входит мать:
— Дзе бацька?

На этом зябком горчайшем свете
один, не верующий в бессмертье,
стирая поздние злые слезы,
стою и слушаю их вопросы.

Дверь открывается, входит отец:
— Дзе маці? —
Дверь открывается, входит мать:
— Дзе бацька?

— Дзе маці?
— Дзе бацька?

После публикации первых стихов в Москве о Петре Кошеле стали много писать, заговорили — и читатели поэзии, тогда в Союзе их было немало, и литературные критики. Причем самые авторитетные: Вадим Кожинов, Сергей Чупринин, Лариса Баранова-Гонченко, Вадим Дементьев. И, конечно же, поэты. В первую очередь, молодые и только входящие в литературу, делающие первые шаги в ней...

Стихи Кошеля переписывали от руки, читали в поэтических студиях, которые в те годы были при каждой провинциальной и многотиражной газете. Его стихи хорошо ложились на музыку. Искренне воспринимались молодыми людьми, желавшими знать о жизни больше, нежели тогда преподносила пресса, да и пелось, говорилось по радио, телевидению, с эстрады. К примеру:

Издалека, от самого заката
бьет океан волною лиловой.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

В куфаечке, где сто одна заплата,
он берегом проходит воровато.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

Он позабыл давно сестру и брата,
и лишь на фотографии измятой —

любимая — ни в чем не виновата,
любимая — ни в чем не виновата.

У старого заброшенного склада
он завтра сдохнет, будто так и надо.
Любимая ни в чем не виновата.
Любимая ни в чем не виновата.

С путины возвращаются ребята.
Он водку пьет. И нет ему возврата.
И только на земле одна отрада:
любимая ни в чем не виновата,
любимая ни в чем не виновата.

Впервые с поэзией Петра Кошеля я познакомился, как и со стихами многих полюбившихся поэтов, в журнале «Юность», выходявшем двух-миллионным тиражом (сейчас в это трудно поверить). Это был № 1 за 1975 год — с начала 1970-х редакция журнала ежегодно отдавала первый номер молодым писателям и публицистам. Попасть в такую компанию было особенной удачей, честью и шиком. Я много раз — и до армии, и после службы — посылал свои стихи в «Юность». Увы, увы...

Зима 1975-го была для меня второй солдатской зимой. По армейским понятиям — «старик». Можно было маленько сачкануть от тяготины солдатских обязанностей, позволить себе некоторые вольности. Правда, я служил в авиации, у нас в полку если и была «дедовщина», то совсем не такая, какую приходилось наблюдать в соседних частях стройбата. Там «молодых» солдат просто выкручивали наизнанку — по воскресеньям, вместо отдыха, часами гоняли строевым, ну и запахи-вали на службе-работе. Она мало чем отличалась от каторжанской. Не случайно ведь поговорка армейская ходила: два солдата из стройбата заменяют экскаватор...

К тому же на последние полгода службы меня назначили каптером. Каптерка — это не казарма, хотя она тут же, в казарме. Это пусть небольшой, пусть самый крохотный, но твой уголок-мир, да хоть мирок, но — твой! Посреди ежеминутной круглосуточной казенщины, где никто, ни один человек не принадлежит себе. А тебе хочется быть собой — жить своими мыслями, мечтами, ожиданиями, надеждами. В солдатской каптерке впервые за полтора года я стал читать то, что хотелось. Ну и писать...

Закрывшись в каптерке после отбоя, я читал и перечитывал «Юность» со стихами Петра Кошеля. А еще обратил внимание на его фамилию: в начале 1970-х в Беларуси гремело имя гимнастки Антонины Кошель, олимпийской чемпионки Мюнхена. Вот я и гадал: земляк — не земляк? В Советской армии землячество имело огромное значение, вокруг этого у солдат часто возникали всякие разговоры, суды-пересуды, споры. Ну и, конечно, земляки тянулись друг к другу.

По тающей вниз Долгобродской
к озябшей церквушке пройдем.
Ну, ладно. Любовь не дается.
Пускай на потом, на потом...

ВРЕМЯ. ЖИЗНЬ. ЛИТЕРАТУРА

ДОРОГОЙ НОВОЙ ДЛИЛСЯ ДЕНЬ

КАЗИМИР
КАМЕЙША

Литературный портрет Алексея Пысина

Происходит что-то странное и необъяснимое. Его стихи, отдельные строчки часто всплывают в памяти звуками какой-то неуловимой мелодии. А ведь я никогда не слышал песен на его стихи. Хотя нужна ли этим искренним, так таинственно, мягко и взволнованно звучащим словам музыка? Настоящая музыка звучит в них самих. Прислушайтесь:

З-пад хвояў выступае вёска,
Салёна пахнуць палыны.
«Сямёнаўну»
спявае войска,
Нібы вяртаемся з вайны...

Вот уже и сам ты начинаешь подпевать, подхватываешь знакомый мотив и продолжаешь его тянуть голосом сержанта Игнатьева под немолкающие звуки боя. Но что это? Мотив как будто обретает совсем другое звучание. Хоть ритм тот же самый и то же самое поле боя:

На дзюны ўпаў сяржант Ігнацьеў,
Пад біўні зломленых грымот.
Чарнеюць спаленыя дзюны,
Чарнее глыба валуна.
Парваныя сцякаюць струны:
Сямёнаўна,
Іванаўна...

НАПОСЛЕДОК
ОТГОЛОСКИ

ГЕН ПАМЯТИ

АННА
ЛЕО

Генетическая память — это накопленный опыт о событиях, важный для выживания вида. Опыт предков, оказывается, может передать нам на генетическом уровне.

В истории каждого народа, каждой страны случались и происходят события, трагедии, о которых помнят не просто долгие годы — столетия. 22 июня 1941 года началась жестокая и беспощадная война для всех народов СССР.

Я не пишу от первого лица, не люблю, но в данном случае избежать моей «нелюбви» не представляется возможным...

Итак, я родилась недалеко от Москвы. В моей метрике значится таинственное слово «Щелково-3». Повзрослев, я узнала, что так был засекречен знаменитый аэродром Чкаловск. Я не помню, чтобы он имел какое-то название в детстве. Аэродром и аэродром, только усиленно охранялся, поскольку на нем не только испытывали новые военные самолеты, но и тренировались первые космонавты. И именно с аэродрома Чкаловск отправился в свой последний полет первый космонавт СССР Юрий Гагарин. Больше в жизни я не видела в небе столько самолетов и вертолетов — около суток длилась операция по спасению. Но, увы...

Дедушка мой по материнской линии, Николай Васильевич Крутиков, был летчиком-испытателем. А отец служил инженером, подготавливал самолеты к вылетам. Поэтому долгое время наша семья жила в этом военном городке. Дед мой был героической личностью. Подполковник. Выполнил 58 боевых вылетов, был награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды. Хотя я знала только, что он воевал, был сбит под Волоколамском и с перебитыми ногами чудом избежал плена. Все остальное узнала потом, после смерти дедушки, из рассказов бабушки. А в ответ на мои расспросы, дед

строго смотрел и говорил: «Нечего рассказывать. Война как война».

Летчики — это кастовое сословие. Особенно летчики-испытатели. Дед мой знал многих из них: тех, кто воевал в Испании, на Халхин-Голе, в Финляндии. Был знаком с легендарным Николаем Гастелло.

Другой мой дед, по отцовской линии, Филипп Васильевич Новиков, был из староверов. Так вот, он участник четырех войн (не удивляйтесь, мой отец был поздним ребенком, как и я): Первой мировой, Гражданской, Финской и Великой Отечественной. Дед был очень закрытым и неразговорчивым человеком. Прожил он долгую жизнь, больше 90 лет, и незадолго до его ухода в мир иной я к нему пристала с расспросами, показывая фотографию, где он в длинной солдатской шинели, с двумя крестами на груди.

— Да, это перед приездом Керенского мне вручили второй крест.

— Керенского? — я округлила глаза. — Расскажи, какой он, как выглядел?

— Керенский как Керенский. Да не слушали мы его. Всем по домам хотелось.

Вот такой экскурс в историю.

В начальных классах война воспринималась как что-то далекое. Вот Красная площадь, Вечный огонь, парад 9 Мая. Вот сладкий кукурузный хлеб. А еще, кажется, дом, где мы жили, строили пленные немцы. Проводили линейки, писали сочинения о пионерах-героях и с благодарностью дарили цветы ветеранам. Но понять безмерную боль от войны я смогла только повзрослев, когда узнала историю Беларуси.

Я не люблю выражение «проходной двор», но иначе об этой прекрасной, но многостра-

дальной земле и не скажешь. Какие бы войны ни начинались — все армии проходили через ее территории.

Седьмой класс я заканчивала в Осиповичах. Наш пионервожатый в конце учебного года сказал, что мы пойдем в поход по местам действия партизанских отрядов. Все оживились. В поход, да еще с ночевкой! Сейчас уже не вспомню, как называлось то местечко, куда по полудню нас довез рейсовый автобус. Вечером жгли костер и просидели около него почти до рассвета. Ночевали мы в школе, в спортивном зале, на жестких матах. Подъем был ранний. Невыспавшиеся, мы не разделяли восторг нашего вожатого по поводу «такого прекрасного дня». А он энергичным шагом вел плетущийся отряд в глубину леса. Назойливо кружили комары, и солнце припекало вовсю. Всем невыносимо хотелось пить, но запасы воды давно закончились.

Перед небольшим озерцом вожатый скомандовал остановиться. Глядя на наши унылые физиономии, он спросил:

— А знаете, как партизаны пили воду из водоемов?

Да кто же это знал!

— Складываем платок в несколько частей. Или марлю, или еще какую-нибудь тряпицу. И опускаем на воду, ту, что просочится снизу через слои, мы и пьем.

Мне послужил фильтром головной платок. Все попробовали такой способ. Увы, мы, изнеженные дети города, к вечеру все как один получили расстройство желудка. Но в тот момент холодная вода казалась удивительно вкусной.

Пройдя еще пару километров, мы вышли на поляну, где сквозь высокую траву проглядывали почерневшие срубы домов, полуразрушенные печные трубы.

И только где-то на отшибе стояла хата, покрытая гонтом, и на цепи журавлиного колодца висело ведро. Перед окошками цвели золотые шары, а между их зелеными высокими стеблями расхаживала белая курица.

Мы подошли ближе, дверь открылась, и на пороге появилась худенькая женщина, одетая во все черное, а голова покрыта белым платочком в черный горошек. По ее виду было заметно, что она очень обрадовалась гостям. Хозяйка водила нас по бывшей деревне и рассказывала, какое это было чудесное место, какие замечательные люди жили в домах, пока однажды сюда не нагрянул карательный отряд: одних убили на месте, других погрузили на машины, дома подожгли... После Победы в деревню вернулась лишь наша собеседница — больше никому было возвращаться.

Не знаю, что побудило нас, но ребята начали совать женщине в руки печенье, вафли, конфеты... Отдавали все запасы сладостей, которые взяли с собой. Мы уже выходили из села, я обернулась. Навсегда мне запомнилась одинокая фигура женщины, прижимающая к груди пакетики, на фоне черного колодца со скрипучим журавлем.

А за год до этой истории я впервые самостоятельно поехала к бабушке в Москву на каникулы. Когда я вошла в купе, там на нижней полке уже расположилась женщина. Мы поговорили о том о сем, а потом, я даже не помню почему, моя попутчица заговорила о войне.

— Представляешь, милая, я жила тогда в небольшой деревне. До нас даже и не сразу дошла весть, что началась война, только ближе к обеду узнали. Мне тогда годочков было, как тебе — лет

Дедушка мой по материнской линии, Николай Васильевич Крутиков, был летчиком-испытателем. Подполковник. Выполнил 58 боевых вылетов, был награжден орденом Ленина, орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды. Хотя я знала только, что он воевал, был сбит под Волоколамском и с перебитыми ногами чудом избежал плена. Все остальное узнала потом, после смерти дедушки, из рассказов бабушки. А в ответ на мои расспросы, дед строго смотрел и говорил: «Нечего рассказывать. Война как война».

одиннадцать-двенадцать. Ничего толком не помню, только помню, как потемнело лицо у мамы. Отца забрали на Финскую, а теперь когда его ждать, что с ним? Про это она, видимо, думала. Несколько дней было тихо, а потом пошли колонны немцев. Мы еще мало чего соображали, выстроились вдоль дороги, смотрим на чужие лица. Шли они веселые, а некоторые даже сладостями угощали. Потом все стихло. А потом за одними немцами пришли другие, в черной форме — эсэсовцы. Они заходили в каждую хату, что-то спрашивали. С ними суетились переводчики, а в конце дня они увели несколько односельчан с собой. Что с ними стало, говорили разное: или расстреляли, или повесили — толком никто ничего не знал, но те люди больше не вернулись.

Жили мы впроголодь. Я до сих пор переживаю, если вдруг в доме хлеба нет. Кажется, все, конец света, — рассказчица улыбнулась. — Ну, вот жили мы и жили. А в конце сорок третьего зачастили к нам и эсэсовцы, и полицаи. В очередной раз приехав, фашисты что-то искали, кого-то допрашивали, а ближе к вечеру собра-

ли нас у здания бывшего сельсовета и зачитали закон: что ни предложение, одним заканчивается — расстрел. А как-то майским утром соседка в окно постучала и кричит: «Бегите быстрее! Палачи едут!» Мы в чем были побежали к лесу. Я краем глаза вижу, как из грузовой машины вываливаются автоматчики. А до леса бежать надо было через поле. Слышу, мать мне кричит в спину:

— Беги, не останавливайся, не оборачивайся!

До леса оставалась совсем немного, как вдруг я споткнулась и кубарем скатилась в канаву. Лежу на самом дне, надо мной трава колышется, и слышу, как рядом по-немецки говорят. Сморю на небо, а оно синее-синее, никогда больше не видела такой синевы и яркого солнца. Трава зашевелилась, и я увидела фашиста. Он постоял и, широким шагом переступив канаву, пошел дальше. До сих пор не пойму, что это было: пожалел или правда меня не заметил.

Вылезла я под вечер. В деревне пусто, кое-где хаты дымятся. Только к ночи стали собираться односельчане, которые успели спрятаться в лесу.

Алесь Карлюкевич

ВЬЕТНАМСКИЙ ГОСТЬ

В 1960—1980-е годы у Беларуси и Вьетнама формировались прочные литературные, издательские связи. Известный переводчик Язеп Семежон в 1968 году выпустил в Минске антологию вьетнамской поэзии в переводе на белорусский язык — «Апалены лотас». Лауреат Государственной премии Республики Беларусь Янка Сипаков перевел на белорусский язык «Турэмны дзённік» Хо Ши Мина (1985). На белорусском языке был издан сборник фольклорных произведений «В'етнамскія легенды».

И вьетнамские литераторы, переводчики перевоплощали произведения белорусских писателей: Янки Купалы, Владимира Короткевича и др. Во Вьетнаме в разные годы бывали представители белорусской литературы и книгоиздания: Владимир Каризна, Сергей Панизник, Игорь Лаптёнок...

Сегодня белорусско-вьетнамские литературные связи обретают новое дыхание. Это видно и по публикациям произведений вьетнамских поэтов в белорусской литературно-художественной периодике, и по контактам белорусских и вьетнамских писателей и книгоиздателей.

В марте 2026 года в Минске побывал известный вьетнамский писатель и журналист Нгуен Куанг Тьян, автор книги «Легендарная резидентура Н.63», вышедшей на русском языке в Хошимине (Вьетнам). Вьетнамский литератор представил издание на различных площадках XXXIII Минской международной книжной выставки-ярмарки (в том числе и на стенде Союза писателей Беларуси). Книга посвящена борьбе вьетнамских разведчиков с американскими агрессорами во время Вьетнамской войны (1964—1975 гг.). Группа Н.63 по праву считается лучшей среди резидентур Вьетнама.

АВТОРЫ НОМЕРА

Гальперович Наум Яковлевич

Родился в 1948 году в городе Полоцке Витебской области. Окончил Витебский педагогический институт. Поэт, прозаик, журналист. Ведущий теле- и радиопрограмм «Суразмоўцы», «Дыялогі пра культуру», «Нам засталася спадчына», «Прачулым радком». На счету более десятка книг стихов и прозы, а также авторские радиопередачи и телевизионные проекты. Награжден медалью Франциска Скорины. Заслуженный гражданин Полоцка и Новополоцка. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

Лейко Татьяна Александровна

Родилась в 1949 году в городе Свердловске (ныне Екатеринбург, Россия). С 1967 года живет в Беларуси. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Автор ряда сборников стихов и многочисленных публикаций в СМИ. Поэт, переводчик. Лауреат Республиканского литературного конкурса «Залаты Купідон». Живет в Минске.

Зэков Анатолий (Зэков Анатолий Николаевич)

Родился в 1955 году в деревне Потаповка Буда-Кошелёвского района Гомельской области. Окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, юморист и сатирик, детский писатель. Автор многих сборников поэзии, прозы, сатиры и юмора, книг для детей. Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

Советная Наталья Викторовна

Родилась в 1956 году в поселке Янтарный Калининградской области (Россия). Окончила факультет психологии Ленинградского государственного университета. Поэт, прозаик, публицист, кандидат психологических наук. Автор ряда книг поэзии, прозы, публицистики. Лауреат нескольких республиканских и международных литературных конкурсов. Живет в городе Городок Витебской области.

Корнева Полина Денисовна

Родилась в 2004 году в городе Борисове Минской области. Студентка 4 курса лечебного факультета Белорусского государственного медицинского университета. Пишет стихи и прозу. Лауреат нескольких республиканских литературных конкурсов. Живет в Борисове.

Скоринкин Андрей Владимирович

Родился в 1962 году в городе Минске. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Автор многих поэтических книг и музыкальных альбомов. Лауреат Республиканской литературной премии «Залаты Купідон» и других республиканских и международных премий и конкурсов. Награжден медалью Франциска Скорины. Живет в Минске.

Романова-Папечкене Лидия Алексеевна

Родилась в 1941 году в городе Урень Горьковской области (ныне Нижегородская область, Россия). Окончила строительный факультет Ленинградского инженерно-строительного института. Автор книги «Памяти безбрежный океан». Живет в Минске.

Дорожкин Андрей Сергеевич

Родился в 1991 году в деревне Горбовичи Чаусского района Могилевской области. Окончил факультет культурологии и социально-культурной деятельности и магистратуру по специальности «Искусствоведение» Белорусского государственного университета культуры и искусств. Аспирантуру по специальности «Теория и история культуры» в Республиканском институте высшей школы. Пишет стихи и прозу. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Живет в Гродно.

Чернявский Микола (Николай Николаевич)

Родился в 1943 году в деревне Буда-Люшевская Буда-Кошелёвского района Гомельской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик, переводчик. Автор нескольких десятков книг для детей и взрослых. Лауреат литературных премий имени Янки Мавра, Василя Витки и премии Федерации профсоюзов Беларуси. Живет в Минске.

Полес Елизавета Давыдовна

Родилась в 1947 году в городе Могилеве. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор нескольких поэтических сборников и книги переводов. Живет в Минске.

Помоз-Лайкова Марина Алексеевна

Родилась в 1975 году в городе Борисове Минской области. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка. Руководит литературным объединением «Октава» в Центре творчества детей и молодежи в Борисове. Автор ряда поэтических сборников и книг для детей. Живет в Борисове.

Конев Федор Егорович

Родился в 1935 году в селе Мужы Тюменской области (Россия). Окончил Всесоюзный государственный институт кинематографии (Москва). Автор книг прозы «Сполохи» и «Снегопад». Участвовал как автор сценариев в создании более двадцати фильмов. Умер в 2025 году.

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

На обложке: Художница Елена Бархаткова за работой. Фото Игоря Бархаткова.
Дизайн обложки Натальи Артёмовой

Подписано в печать 07.05.2026. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,02. Тираж 530. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2026
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2026
© УП «Мастацкая літаратура», 2026